

«Книга ... освещает наше
личное движение к истине».

М. Пришвин

СВЕТЛЯЧОК

16.11.2015

№11 (56) Ноябрь 2015 года

• 50 лет творческой деятельности

В КРАЯХ, ГДЕ ОТЧИЙ ДОМ...

К своему земляку Валерию Кириллову андреапольцы относятся как к достойному масштаба республиканского. И вместе с тем как к близкому, нашему, с кем можно запросто поговорить о том, о сём. Можно на ходу, на рынке, например, задать волнующие вопросы. Как же, публицист такого ранга, в центральной прессе его статьи читают! Кому как не ему поведать о наболевшем.

Внушительна творческая биография нашего земляка. Он работал в андреапольской районной газете «По пути Ильича», пройдя путь от корреспондента до заместителя редактора, был редактором нелидовской районной газеты «Знамя коммунизма». В течение девяти лет работал редактором областной молодежной газеты «Смена» и полтора года заместителем председателя областного комитета по телевидению и радиовещанию. В 1988 году был переведен на должность первого заместителя редактора областной газеты «Калининская правда». С 1989 по 2001 год редактор газеты «Калининская правда» («Тверская жизнь»). Под руководством В.Я. Кириллова газеты «Знамя коммунизма», «Смена», «Калининская правда» («Тверская жизнь») становились победителями союзных и российских конкурсов. Двенадцать лет (1988 – 2000) В.Я. Кириллов возглавлял областную журналистскую организацию. Валерий Кириллов автор 25 книг художественной прозы и публицистики («Путешествие одинокого человека», «Легаша-легашки», «Озеро Алоль», «Поправка Джексона», «Последнее письмо», «Витражи», «Люблю Россию в непогоду», «Остров спасения», Национальное или глобальное», «На разломе» и др.) Публиковался в журналах «Наш современник», «Русский дом», «Журналист», «Российская Федерация сегодня», «Сенатор», «Русская провинция», «Тверская старина», в газетах «Советская Россия», «Правда», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Российский писатель», «Сельская жизнь», «Крестыанская Русь» и др. Член Союза писателей РФ. Лауреат премии «Слово к народу». За вклад в развитие отечественной литературы награжден Почетной грамотой Союза писателей РФ. Заслуженный работник культуры РФ. Почетный гражданин Андреапольского района Тверской области. В 1990-1993 гг. народный депутат Российской Федерации.

Поэтому библиотечное помещение в день встречи с ним было переполнено людьми. И началась встреча очень по-семейному: Валерий Яковлевич, взяв в руки баян, пел свои песни. Песни о нас, для нас, иногда с конкретным посвящением какой-то из деревень. Потому так тепло принимались и внимательно слушались, а кое-кем тут же переписывались из ходившего по рукам сборника.

Впрочем, когда юбиляр заговорил о серьезном, о том, как сохранить «русский мир» и «право на будущее» («Русский мир: право на будущее» – так была озаглавлена встреча), внимание слушателей не ослабло. Слова публициста Кириллова тоже доходили до душ и сердец.

Благодарили его за замечательные книги, воспитывающие любовь к Родине, уважение к предкам и нашим традициям; за помощь пишущим землякам и много ещё за что. И каждому так понятно было, почему эта встреча, посвященная серьезной вехе в жизни Валерия Кириллова, прошла именно в нашем городе, родовой его колыбели.

ПОПАЛИ В «ПЕРЕПЛЁТ»

Если заглянуть во фразеологический словарь, то выражение «попасть в переплёт» трактуется как «оказываться в трудном и неприятном положении». Но если говорить о «Тверском переплёте» – межрегиональной книжной ярмарке, на днях прошедшей в Твери, в такой переплёт попасть приятно и почетно.

Событие, организованное редакцией газеты «Тверская жизнь» и библиотекой имени Горького, было ярким, многолюдным и деловым. Задействовали одновременно все площадки на трёх этажах библиотеки. В культурной программе ярмарки прошли презентации, встречи с авторами, иллюстраторами, мастер-классы, работа по секциям (поэтическая, прозаическая, детская, иллюстративная, графические романы, площадка презентаций) и др.

Посчастливилось участвовать в «Тверском переплёте» и знакомым нашему читателю поэтам. Вот что напечатано об этом на сайте «Тверской жизни»:

«В Поэтической гостиной тем временем господствовала ее величество Поэзия. Галина Андреевко, создатель и руководитель литературного объединения «ПЛЮТ» из Пено, знакомила присутствующих со своим детищем и читала прекрасные стихи. Проникновенны были строки ее землячки Натальи Ивановой. Маргарита Петрова из Андреаполя представила литературно-краеведческую газету «Светлячок», полюбившуюся далеко за пределами Малой родины».

«Светлячок» постарается познакомить вас с творчеством всех, выступавших в поэтической гостиной. И начнём с Игоря Аксёнова из Твери, поэта, исполнителя, композитора. Он автор музыки к кинофильмам, теле-и радиопроектам (стр.3).

• Избранное

*Валерий Кириллов***ПРИЗНАНИЕ**

Улетают года, улетают,
И все меньше родных и друзей.
Кто тебя лучше всех приласкает,
Кроме родины милой твоей?

С неких пор чуткий взор замечает:
Стал дороже вдруг прожитый день.
Вот из скверика важно кивает
Синей шапкой густая сирень.

Распустился пион у порога.
Веет стужей от тихой реки...
Что такое с тобой происходит?
Отчего так движенья легки?

Ах, как трудно бывает порою
Признавать ощущение лет.
Голос сердца значительней слова –
Здесь, наверно, таится ответ.

ОСЕННЕЕ

На моих покосах серебрятся росы,
И зима холодной обещает быть.
И упрямо осень задает вопросы,
Но ответа нету, как мне дальше жить.

Паучок-тенетник надо мной смеется –
У него готовый есть на все ответ.
Паутиной нитью тихо оборвется
И растает в небе лебединый след.

Там, где мы купались в нежности рассвета,
Скоро свою песню вьюга запоеет.
И под песню эту сочиню сонет я,
Что письмом получишь ты под Новый год.

Встрепенется ль сердце? Или очень косо
На конвертик этот ты положишь взгляд?
У меня без спроса умирает осень
И дождями плачет третий день подряд.

ОБМАННЫЙ ПОКОЙ

Пожелтела листва на березках
И ложится в озерную гладь.
Я спускаюсь тропиночкой скользкой
На уху окунишек поймать.

Загребаю тишком за осоку
И в прогалину мечу заброс.
Нет на свете чудесней мороки –
Той, в которой я сызмальства рос.

Только мысли вольготно раскину,
Вдруг тревога тисками сожмет.
Был деревне я преданным сыном,
А теперь – в ней никто не живет.

Что же случилось с нами, родные?
Лихоманка какая стряслась?
Вновь терзают хазары Россию –
И куражатся, алчные, власть.

Вроде как – и доволен собою,
Над вечерней колдую ухой...
Правда, сердце все ноет и ноет,
Не приемля обманный покой.

МЫ УХОДИМ...

Все плотнее кольцо окруженья,
Много наших уж пали в бою.
Ты пошли им, Господь, всепрощенье –
Они честь сохранили свою.

Будет грустная музыка литься,
Будут речи и слезы друзей.
Наши ангелы, белые птицы,
Вознесутся над ширью полей.

Вдовый крик, как струна, оборвется
И утонет в зыбучей тиши.
Ночью месяц в колодце ухнет
На помин нашей русской души.

Николай, Сережи, Володи...
В предназначенный каждому час
Мы уходим, уходим, уходим...
Помолитесь, родные, за нас.

ДРУЗЬЯМ

Кто сказал, что погасла свеча?
Кто сказал, что любовь опоздала?
Чтобы встретить надежный причал,
Она просто в пути задержалась.

Кто сказал, что среди ноябрей
В наш очаг никогда не прорвется
Сквозь унылую сетку дождей
Лучик доброго, нежного солнца?

Кто сказал, что совсем занемог
Желтый клен, прислонившись к забору?
Он себя для березки сберег,
Чтоб с судьбою отважно поспорить.

Кто сказал, что цветы отцвели?
Кто сказал: соловьи нам отпели?
Вновь согретое сердце звенит
Ручейком в долгожданном апреле.

• «Тверской переплет»

Игорь Аксенов

* * *

Я не рок-музыкант,
не поэт и не бард,
я всего лишь закат
в миллиард киловатт.

Я не серая мышь,
и не ангел, ей-ей,
не Отелло, а лишь
гвоздь в подметке твоей.

Я всего только fish,
я на блюде ничком –
посолишь, поперчишь
и подашь с коньячком.

Хорошо с коньячком,
закусив дурачком,
не жалеть ни о ком,
не грустить ни о ком.

Если б только умел,
я б чего-нибудь спел,
был бы в меру удал
и блоху подковал.
Только я не певец,
не дудец, не игрец,
малосоленный я,
так сказать, огурец.

У меня на часах,
как всегда, без пяти –
без пяти минут швах
и каюк без пяти.

ТАНГО

Чем отличается поэт от мещанина?
Тем, что в башке его сплошная мещанина.
А жизнь дана одна, и та проходит мимо,
но ничего прошедшего не жаль.

Стоит один среди равнины голой
слепой Гомер с бутылкой пепси-колы.
Он счастлив тем, что насмерть не заколот.
Давай, старик, чего-нибудь рожай!

Из парусов твоих пошиты для наяды
пара трусов и прочие наряды,
хлебни глоток вина, а лучше яда,
и проживи свободным до зари.

Пока еще не прозвенел будильник,
запри свой дом и отключи мобильник,
душа твоя черна, как холодильник
с перегоревшей лампочкой внутри.

Внутри тебя одной протяжной нотой
звонит зима. Запри свой дом, и – кто ты –
забудут все. И все твои заботы –
гонять чертей по сумеркам души.

ВЕСЕННИЙ

Я когда-то был весенним,
я когда-то был осенним,
летним, зимним, сладким, горьким,
гениальным, бесполезным,
неопознанным объектом
в необъезженном пространстве.
Я когда-то был вопросом,
а теперь я стал ответом.

Я когда-то был дыханьем
в чьих-то ласковых ладонях,
бесполезной, безымянной,
но любимую игрушкой,
тихим светом над свечами
в неопознанном пространстве.
Я когда-то был словами,
а теперь я стал молчаньем.

КОМАР

Хрустальный шар,
а в нем комар запаян.
Чем дышит он?
Об этом мы не знаем.
Что видит он?
Он видит нас снаружи.
О чем он думает?
Он думает о нас.
А может, хуже? –
он думает о нас, но изнутри
своей судьбы запаянной хрустальной,
и каждый вздох его монументальный,
ведь кислорода мало, черт дери.

* * *

Вот и ты стоишь за моей спиной,
в белом небе стриж молодой шальной.

Можно ль так суметь крыльями вразнос?
Нам бы так взлететь, кто бы нас вознес.

Разминает год глину и весну,
в переулке кот ловит на блесну.

Золотая речь рыбки золотой,
как нам уберечь век наш молодой?

Небогат улов, поздняя весна,
для прощанья слов пусть не хватит нам.

Переулок чист, и в конце весны,
что нас разлучит, пусть не знаем мы.

• **Форма времени****Игорь Столяров,****Нелидово**

когда под ряской грусти
сливается столетье
в бесцельные минуты
и редко пишет Бог
я ощущаю время
оставленное кем-то
на взвихренных страницах
давно сгоревших книг
и осязая шрамы
на коже переплетов
вновь оживляю пепел
минувших дней и слов
чтоб в вечности мгновенье
застыло чьей-то фразой
колючей как столетник
что на окне расцвел

Светлана Большенкова,**Нелидово**

Не поспеваю, хоть ты плачь,
За временем не поспеваю.
Оно летит куда-то вскачь,
Я сзади еле ковыляю.
"Постой, – кричу ему вослед, –
Ведь я так много не успела...".
Издали ловлю ответ
Как приговор: "Мне нету дела".

Людмила Леоненкова,**Белый**

Сменяются зимы и весны,
Снег выпадет – снова растает.
Созреет трава на покосах
И сеном в стога снова станет.
Как все быстротечно на свете –
Удача, надежда, любовь.
Нам солнце не вечное светит
И греет не вечная кровь.
Стираются в памяти лица,
когда-то любимые мной.
Я в церковь хожу помолиться
все чаще – за их упокой.
Но все же я искренне верю,
Когда-нибудь в жизни иной,
У вечности запертой двери
Я встречу с любимыми мной.

Иван Кирпичёв,**Нелидово**

Бегут мгновенья, собираясь в глыбу
Прозрачную, как будто изо льда.
На старой фреске мальчик ловит рыбу
Пять сотен лет. И будет так всегда.

Времен ушедших не сотрется метка:
Ничто не изменилось под луной –
К реке склонилась старая ивы ветка
И сотни лет качается водой.
Волнует роза чувственную душу,
И мучит жажда ходока в пути,
А океан все так же лижет сушу,
И так же будут яблони цвести.
Статистами на эфемерной сцене
Мы из тумана движемся в туман.
Сменился лишь пейзаж на гобелене,
Который ткёт неведомый шаман.
Уснул старик, пригревшись у причала,
Сменяли декорации века...
А ветку ивы все волна качала
И тихо подмывала берега.

Наталья Иванова,**Пено**

Секунда, шаг останови,
Продли мне ночь, без всяких правил!
Не приближай приход зари,
твоё тик-так на уши давит.
Позволь уйти в покои сна,
Где нет тревоги, где светло мне.
Нашепчет сказочку луна.
О чём? К утру уже не вспомню.
Секунда, я в твоём плену,
прошу о многом или малом?
Дари покой и тишину,
Не становись ночным кошмаром!

Пётр Бобунов,**Нелидово**

Время – челюсти Небытия.
И только душа вне времени,
душа и её пение.

Владимир Юринов,**Андреаполь**

«Время – вещь необычайно длинная...», –
так сказал он, пистолет поглаживая.
Сколько было их – уверенных, с именем!
Настораживает...
Вот стоят они, кто – в бронзе, кто – в мраморе,
пораздавленные бременем времени,
дело, думаю, здесь в некоем общем «трауре
зрения»...
Даже сфинксы, эти стражи у врат моста
впали в кому, обналичив эпох клад.
Что там сфинксы! Вон кукушка в часах и та
сдохла...
Далеко нам всем до твёрдости кремния,
нам неведом этот путь, да и правда вся.
Но ведь сказал поэт, что жизнь – форма времени.
Справимся?..

• **Новые книги: представляем, рекомендуем**

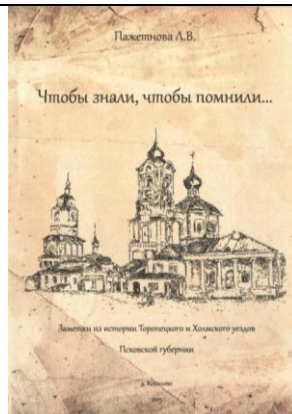
«Чтобы знали, чтобы помнили...» – называется первая книга краеведа Л. В. Пажетновой, представленная ею недавно читателям андреапольской библиотеки. Книга имеет подзаголовок: Заметки из истории Торопецкого и Холмского уездов Псковской губернии. Казалось бы, какое отношение к нам имеет это краеведческое издание, рассказывающее о людях и семьях юго-востока бывшей Псковской и Новгородской губерний?

На самом деле, земли, о которых Людмилой Васильевной кропотливо собраны материалы, частично относятся или относились когда-то к территории нашего района. Даже бегло листая книгу, вы то и дело будете наткаться на знакомые названия: Торопацы, Бологово, Тухомицко-Пужакинская волость, Хотилицы и т. д. Те, кто хоть сколько-то интересуется историей родного края, заметят и знакомые прежде фамилии: Челищевы, Кушелевы.

Вы узнаете, что Торопец и Холм вовсе не были захолустными городами. Многие из граждан этого провинциального уголка занимали значительные посты, как гражданские, так и военные, в столице. Поймёте значимость этих земель для общей истории нашего государства. Сможете проследить историю родов: дворянских, купеческих, мещанских.

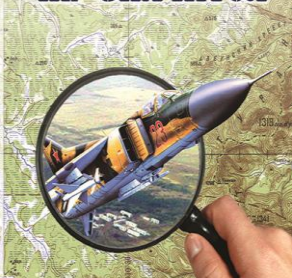
Книга имеет документальную основу и снабжена копиями многих документов. Здесь вы можете увидеть карту Псковской губернии 1885 года, Табель о рангах, существующий на тот момент в России, список Орденов Российской империи и многое другое.

Несколько экземпляров подарены автором нашей библиотеке.

ВЛАДИМИР ЮРИНОВ

НА КАРТАХ НЕ ЗНАЧИТСЯ

В великолукском издательстве «В. Быстров» вышла в свет книга **Владимира Юринова «На картах не значится».**

Как бы ни трудна и сурова была жизнь, но с течением времени мы со всё большей добротой и юмором вспоминаем пережитое. Поэтому книга о нелёгких буднях молодых лейтенантов, лётчиков-истребителей, которые в середине 80-х по воле судьбы и начальства попали служить в маленький дальневосточный гарнизон, и получилась такой – доброй, весёлой, с небольшой порцией ностальгии. Уходят годы и уходит эпоха, только в нашей памяти остаются те мелочи и детали, из которых как раз и складывается наша жизнь.

В книге, написанной лётчиком, подполковником запаса, использованы рисунки авиатехника, подполковника запаса Валерия Медведева, безусловно, украсившие книгу. Проварившись четверть века в военно-авиационной системе, Валерий, безусловно, доподлинно знаком со всеми тонкостями и особенностями аэродромной жизни. Поэтому и рисунки его правдивы и полны неуловимых, но важных подробностей.

Творческий тандем двух офицеров, отдавших в сумме полвека службе Родине в составе военно-воздушных сил, оказался очень удачным.

Книга, без сомнения, найдёт своего читателя, поскольку в ней отражена правдивая история нашей страны, уже перевёрнутая, но всё ещё памятная для многих страница её советской эпохи.

Творческий вечер автора с презентацией новой книги состоится в библиотеке в субботу 21 ноября в 15 часов.

Андрей Канавщиков, живущий в Великих Луках, известен андреапольцам как поэт, автор многих поэтических сборников, основатель и руководитель литературной группы «Рубеж». В таком качестве он несколько раз бывал на встрече с читателями в нашей библиотеке. Но он ещё и журналист, публицист, литературовед.

Переданная им недавно в нашу библиотеку книга «Прямой репортаж из Вавилона» – это сборник литературоведческо-публицистических статей о том, что значит литература для нынешней России, чем и кем она жива и куда движется.

Вот название только некоторых статей из этого сборника: «...Тем ближе Сталин», «Честнее промолчать», «Цветение огурца и брусковский хаос», «Диссидентский крах».

Ряд статей прежде публиковался в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия» и других столичных изданиях.

- Молодые голоса
Юлия Алексеева,
Андреаполь
К БОГУ

Когда мне сил и веры станет мало,
Когда в душе произойдёт раскол,
Переступлю порог я церкви старой,
Падёт слеза на освещённый пол.

Сольюсь я мыслью с Богом
воедино,
Пусть видит он – душа моя чиста.
Не раз за всё спасибо говорила,
Ну, а сегодня с просьбою пришла.

Для счастья слишком много мне не надо,
Прошу тебя я, Боже, об одном:
Храни людей, живущих со мной рядом,
Оберегай от зла и бед мой дом.

Дай мудрости – хранить очаг умело,
Пусть будет чаша доверху полна,
Я в лучшее не потеряю веру,
Ведь я иду по жизни не одна.

Храни, Господь, вовеки и отныне
Ценнейшее, что в жизни есть – семью,
Когда здоровы, счастливы родные –
Тогда и я счастливой быть могу!

БЛЮДО ДЛЯ ЛЮБИМОГО

Я хочу приготовить тебе
Что-то вкусное очень.
Чтобы был благодарен ты мне
Предстоящею ночью.

Чтобы страстно меня обнимал,
Пирожками пахучую,
Чтобы чётко ты понимал,
Что я самая лучшая!

Принесу тебе завтрак в кровать,
Напеку тебе сладости,
Чтоб не смог ты мне отказать
В этой утренней радости.

Заведённая, словно мопед,
И поющая песни,
Я тебе приготовлю обед
Супер деликатесный.

И, довольный, прижмёшься ко мне,
Подойдя тихо сзади,
Я согласна готовить тебе
Только этого ради.

СРЕДНЕСТАТИСТИЧЕСКИЙ МУЖЧИНА

Я среднестатистический мужчина:
Работаю. Красавица жена.
В её глазах – мерзавец и скотина,
За то, что напиваюсь иногда.

Приду домой, она меня накормит,
Не огрызнётся, если нахамил,
И слова даже против не промолвит,
В тот день, когда зарплату получил.

Состроит лисьи глазки, улыбнётся,
Я снова не смогу ей отказать.
А то опять в истерике забудётся,
Уж легче пол зарплаты ей отдать.

Пашу, как лошадь, возвращаюсь поздно.
Ещё позднее, если загулял.
А как ещё? Иначе невозможно
Домой идти – ведь там опять скандал.

Сегодня я напился, как скотина,
Иду домой, а ноги не идут.
Я среднестатистический мужчина:
Меня домой с деньгами только ждут.

А я не робот и не механизм,
И не печатная машинка, чёрт возьми,
Живой я и цветущий организм.
Есть место в моём теле для души.

Но этого она не понимает,
Но с ней живу, ведь вроде как привык,
А мне порой так ласки не хватает.
Ранимый я, хоть вроде и мужик.

И я иду туда, где слушать будут,
Где скажут мне «любимый» и «родной»,
Где для меня уже готово блюдо,
Туда, где счастлив. Только не домой.

Сегодня поднапился я изрядно,
Но мне так легче, становлюсь смелей.
И снова моё тело тянет жадно
К желанной нежной женщине моей.

Но снова будни, и я снова дома,
Уставший после тягостного дня,
Мну в спальней, как всегда, диван знакомый,
В гостиной спит надутая жена.

Вы скажете, я сволочь и скотина?
А я на это вот что вам скажу:
Я среднестатистический мужчина,
Женат, но не люблю свою жену.

• **Западный форпост**
Иван Курничёв,

Нелидово

В своё время Иван окончил среднюю школу в Нелидове, служил в армии, учился в Тверском политехническом институте, но, покинув его после третьего курса, стал искать своё призвание на других поприщах. Работал в Нелидове пожарным, мастером на стройке, кузнецом... И, к счастью, последнее оказалось тем делом, где сочеталось инженерное искусство, творчество и красота. Кузнечные работы Ивана экспонировались на выставке в Москве и за границей. Трудно сказать, кто этот человек больше – кузнец или поэт. И то и другое – результат неординарного отношения к жизни и взгляда на вещи и, несомненно, свидетельство тонкого и богатого внутреннего мира.

Сейчас он редактор газеты «Нелидовский благовест».

Предлагаем вниманию читателей его стихи из сборника «Альтаир».

* * *

К окну прижалась темнота,
С опаской трогая стекло,
Желает заглянуть сюда,
А у меня пока светло.

Но только выключу торшер,
Чтобы забыться чутким сном,
Она прошепчет мне: «Мон шер»,
Неслышно проникая в дом.

И лёгкое её крыло
Слегка окутает меня,
А сердце бьётся тяжело,
Устав от суетного дня.

* * *

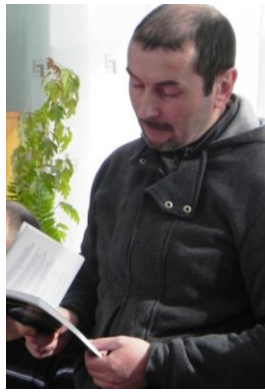
Терпкий запах далёких лесов
Непоседливый ветер принёс,
Свет янтарных сосновых стволов
И прозрачных берёзовых слёз.

Там под шёпот зелёной листвы,
Под покровом таинственных крон,
Спят забытые наши мечты,
И леса охраняют их сон.

Серебрится в висках седина,
Спит забытая, спит (ну и пусть!)
Беззаботного детства страна,
Давней юности сладкая грусть.

* * *

Зачерпну я ладонью туманы,
Их хмельного напыюсь молока,
Льётся грусть из души, как из раны,
Я любовью задет был слегка.

Синим пламенем звёзды сгорают,
Согревая собой небеса,
Где-то с самого-самого края
По щеке прокатилась слеза.

И бросает из крайности в крайность,
То стоим, то бежим за судьбой,
А подумать – так это случайность,
Что мы встретились как-то с тобой.

За верхушки вздыхающих сосен
Туча вдруг зацепилась хвостом,
Мы у жизни любви часто просим,
Но не знаем, что делать потом.

* * *

Сыграй мне, музыкант, о чём-нибудь простом,
Ну, например, о том, как ночь шумит дождём
В давно забытых снах, а может быть, о том,
Где я ещё люблю, где мы ещё вдвоём.

Сыграй мне, музыкант, ты скрипкой окрылён,
А я чуть-чуть взгрустну, я не грустил давно.
Из сотен тысяч лиц, из тысячи имен,
Под скрипки нежный плач я вспомню лишь одно.

Сыграй мне, музыкант, ты - гений, ты – колдун,
Раскрывший невзначай мне магию свою.
Пусть вздрогнут небеса от крика тонких струн,
Сыграй мне, музыкант, я рядом постою...

* * *

Асфальт усыпан жёлтым с багрецом,
Лист клёна, словно мятая банкнота,
Поссорились деревья с ветерком,
Он платья обрывает им за что-то.

Сияют капли, словно изнутри,
Купает ель в дожде свои иголки,
А на ветвях расселись снегири,
Невольные свидетели размолвки.

Но к вечеру подсушит солнце грязь,
В зените к югу гуси – вереницей,
И, к небесам в порыве вознесясь,
Сухой листок пытается стать птицей.

О чём-то личном вспомнит на Покров,*
Чуть улыбаясь, стройная дивчина.
Мечтая о любви без берегов,
Краснеет от смущения рябина.

И хоть, как грусть, горьки её плоды,
Как только лягут первые снежинки,
Ей гроздь ягод обклюют дрозды,
И капнут капли крови на тропинки.

Наверное, я всё же оптимист –
Жизнь тащится куда-то понемногу,
Ещё шуршит в ногах опавший лист
Тех лет, что набросало на дорогу.

* Здесь намёк на женский народный заговор, произносимый на Покров Богородицы: «Покров Батюшка, покрой землю снежком, а меня женишком».

Рассказ

ТРИ ВЕЩИ ИЗ НИЧЕГО

Симочка металась между продуктовым и парфюмерным. Что предпочесть – краску для волос или творог?! На то и другое денег точно не хватит, а пенсия лишь двенадцатого мая. Не брать творог? Прикинула, что имеется в холодильнике. Нет, без творога не дотянуть. А как на День Победы с такой головой идти, седина у корней на два пальца?

Задача решения не имела, и она понуро поплелась к автобусу. Мысли были невесёлыми. Не идти завтра к обелиску? Но ведь лично приглашали. Им, теперь уже пожилым детям войны, стоять надлежало на митинге в первом ряду, поскольку ветеранов оставалось штучно.

К Галине, подруге, с такой бедой не обратишься, не поймёт, или хуже того – высмеет. Ей не впервой подшучивать над Симочкиной щепетильностью в отношении костюма и внешнего вида. По ней так после шестидесяти проблема костюма отпадает сама собой, а уж о седине и говорить нечего.

Симочка вздохнула. Представила бабушку, давно ушедшую в мир иной, но вспоминаемую частенько. Это от неё, модницы и кокетки до последних своих дней, Симочкины привычки. Бабушка, старшая из пяти сестёр, случалось, отчитывала их за небрежение к своей женской сути:

– Возраст на себе носить женщине непозволительно! Женщина всегда должна уметь сотворить три вещи из ничего: скандал, салат и наряд. Это же прописная истина.

Со скандалом и салатом у Симочки, правда, не очень получалось. Кулинаркой, нужно честно признаться, она не родилась. «Я варю плохо», – то и дело заявляла она своим товаркам, если где-то требовались лишние руки в подготовке праздничного стола. И характером природа ли, родители или Господь Бог наградили её покладистым. Она всем хотела угодить, услужить, не помешать.

А вот наряд она, действительно, умела соорудить из ничего. Лишних денег, как и изысканных вещей, у неё не бывало. И время текло такое, и муж скуповат был. Но умение как-то по-особому надеть шляпку, повязать шарфик, скомбинировать вещи не раз сослужило ей хорошую службу. Она всегда выглядела эффектно, как говорили окружающие.

Кое-кто считал её недалёкой кокеткой, пустышкой, заботящейся только о тряпках, хотя это истине не соответствовало. Да, большим умом и талантами её природа тоже не оделила. И Симочка это знала, но не злилась на судьбу и более интеллектуальных особ женского пола. Наоборот, относилась к их способностям с уважением, если не сказать благоговейно. Но тряпки не были целью её жизни, просто в её руках они из банальных ширпотребовских превращались в индивидуальные.

Как-то так выходило, что Симочка оказывалась просто необходимой на всякого рода умных и интеллектуальных собраниях, хотя сама ничего никогда не говорила, только кивала и поддакивала к месту. Но её отсутствие сразу чувствовалось, и вопросы «как так? где Симочка?» возникали сразу же после её пропажи. Наверное, это происходило потому, что она умела слушать, может быть, и не всё понимая, но с искренним и неподдельным интересом. И она, зная уже по опыту, что без неё всё равно не обойдётся, участвовала во всех мероприятиях, даже если ей этого не всегда хотелось.

Не пойти на митинг – нечего было и думать. И Симочка с несвойственным ей унынием принялась перебирать свой гардероб. Туфельки. Если гуталином пройтись по их носкам, вполне себе ничего. Ворот костюмчика, конечно, выдаёт устаревшую модель, но шарфик выручит. А вот голова... Может быть, шляпку? Нет, не пойдёт. Жару Симочка ради антуража выдержала бы, но ведь не сезон – в шляпке, заметят. Роясь в старом чемодане, наткнулась на давно забытый паричок, была когда-то мода на них. А что, если...? Прикинула: изменила направление нескольких прядей у висков, подстригла чуть короче над бровями, которые всегда держала в порядке. И улыбка вернулась на её лицо.

У обелиска Симочка стояла в первом ряду: бровки, паричок, туфельки... И сияющая улыбка. Счастливая и почти молодая, она олицетворяла всё поколение детей войны.

Маргарита Петрова

Рассказ **Динка и странный мальчик**

Динка вышла во двор и увидела незнакомого мальчика. Тот сидел на скамейке возле соседнего подъезда и, держа на коленях электронный планшет, сосредоточенно смотрел в экран.

– Привет! – подходя, сказала Динка. – Я – Динка. А тебя как зовут?

Мальчик поднял голову и некоторое время задумчиво смотрел на Динку.

– Слесарев, – наконец сказал он.

– Нет, – сказала Динка, – Слесарев – это фамилия. А зовут тебя как?

Мальчик ещё немного подумал, а потом решительно сказал:

– Зови меня лучше по фамилии – Слесарев.

– Хорошо, – пожала плечами Динка. – Слесарев так Слесарев. Ты в нашем доме живёшь, Слесарев? Ты из какой квартиры?

Слесарев опять хорошенько подумал.

– Не знаю, – после длинной паузы сказал он. – Пока не знаю... Папа купил все три квартиры на шестом этаже и делает сейчас из них одну. Здесь, – он кивнул на подъезд. – Но мама сказала, что жить в этом богом забытом захолустье она не собирается. Поэтому мы, наверное, скоро опять переедем.

Динка тоже немного поразмыслила. Слово «захолустье» было ей незнакомо, но она решила пока ничего не уточнять. «Вечером у папы спрошу», – подумала про себя Динка, а вслух сказала:

– Может, поиграем?

– А я и так играю, – сказал мальчик Слесарев и приподнял с колен свой планшет. – В «Рейнджер варс». До двадцать третьего уровня уже дошёл. У меня уже шестьсот бонусов за стабильность! А у тебя бонусы есть? Ты на каком уровне?

Динка пожала плечами:

– Я в этот... в рэджер... не умею. А Бонус у меня есть. Пёсик такой плюшевый. Я его Бонусом зову. Он песенки петь умеет.

– А у нас пёс настоящий. Джек. Ротвейлер, – сообщил Слесарев, а потом строго спросил: – Так ты во что тогда играешь? В «Варкрафт»? В «Доту»? В «Танчики»?

– Ни во что, – пожала плечами Динка. – У меня и планшета нет.

– Как нет?! – поразился Слесарев. – У тебя нет планшета?! А что у тебя тогда? Айфон? Смартбук? Ноут?

Динка покачала головой:

– У меня только телефон. «Нокия». Папа говорит, что для ребёнка в моём возрасте телефона более чем достаточно.

Слесарев ошеломлённо смотрел на Динку.

– А мой папа говорит, – наконец опомнился он, – что сейчас с простым телефоном ходят только лохи. Так ты, получается... лох?

– Нет, – возразила Динка. – Лох – это он, мальчик. А я – девочка, она. Значит, я не лох, а... лохиня. Так?

Слесарев наморщил лоб.

– Ладно, – сказала Динка, – не заморачивайся. Пойдём лучше поиграем. Во что-нибудь настоящее.

– А во что? – спросил Слесарев, откладывая в сторону планшет и слезая со скамейки.

– Пойдём в песочницу, – предложила Динка. – Туда недавно песка привезли. Целую гору! Построим что-нибудь.

Мальчик покачал головой:

– Мама говорит, что в песочницах сейчас собачьих какашек больше, чем песка. И что в них только дебилы играть могут.

– Ну, тогда у нас во дворе все дебилы! – попыталась Динка. – Мы позавчера там все играли. И Соня, и Максим, и Толик из восьмой. И Машка с Дашкой из семидесятой. И Сева из сорок четвертой. И даже близнецы, Лёлик и Болик, приходили, а они вообще из соседнего двора. И никаких какашек мы, между прочим, там не нашли. Знаешь, как весело было! Мы целый город

(продолжение на стр. 10)

(начало на стр. 9).

из песка построили! С башнями, со стенами, с мостами! У нас даже ворота подъёмные были! Совсем как настоящие, как в рыцарских замках!.. Вот только кто-то всё это ночью сломал, – грустно закончила Динка.

Уши у Слесарева порозовели.

– Это – папа, – признался он. – То есть не папа, а Джек. Папа вечером Джека выгуливал... ну и... вот... Джек у нас совсем непослушный. Папа на него и кричит, и бьёт, а всё бестолку.

Динка посмотрела на разорённую песочницу.

– Ну и ладно! – сказала она. – Можно ещё в тысячу других игр поиграть. В прятки, в пятнашки, в пионербол, в «Выше ноги от земли»... А ещё в «Штандер», в «Казачи-разбойники», в «Садовника», в «Цепи-цепи»... Только в них уже вдвоём не поиграешь – надо ещё хотя бы пару человек.

Глаза у Слесарева были большими и круглыми.

– Я... я в это во всё играть не умею, – пролепетал он.

– Да ерунда! – сказала Динка. – Пойдём научу.

Но научить странного Слесарева Динка ничему не успела. Из подъезда, цокая каблучками, вышла высокая женщина в красном брючном костюме.

– Веспасиан! – строго сказала она. – Я тебе сколько раз говорила, чтобы ты не контактировал с местными детьми!

– Я не контактировал, – робко сказал Слесарев. – Я просто разговаривал...

– Марш в машину! – ещё строже сказала красная дама и, достав из сумочки ключ, квакнула сигнализацией огромного чёрного «Хаммера», занимавшего добрую половину детской площадки.

Уши у Веспасиана Слесарева запылали. Он взял со скамейки свой планшет и – нога за ногу – побрёл к машине. Дама открыла перед ним дверь. Слесарев вскарабкался на заднее сиденье и сел, свесив ноги и понурясь. Дверца захлопнулась. Красная дама сердито посмотрела на Динку, но ничего не сказала. Обойдя машину, она села за руль, и огромный «Хаммер», сдав назад и фыркнув напоследок вонючим дымом, умчался со двора. Динка проводила его глазами.

– Вес... пас... пасьян... – бормотала она себе под нос. – Нет! Лучше уж, действительно, по фамилии...

– Динка! Эй, Динка!..

Динка обернулась. На углу дома стояли трое мальчишек и призывно махали руками. Динка подбежала.

– В футбол будешь? – спросил самый высокий и самый белобрысый из мальчишек; под мышкой он держал мяч. – А то нам как раз одного человека в команду не хватает.

– Буду! – решительно сказала Динка. – Ещё как буду!.. Только чур я не на воротах!..

Владимир Юринов

Рисунок Ирины Старомужевой (Новоселки, Жарковский район)

• Нам пишут

С ЗЕМЛИ ОБЕТОВААННОЙ

Здравствуйте, «Светлячок». Это было безумием, конечно, лететь мне ещё раз в Израиль, но Илья, друг-одноклассник просил, тяжело ему там, никто не звонит, никто не пишет. Ни одной советской "морды" не видит. Сделал ему приятное, прилетел. А он мне, устроил сюрприз с автопробегом по всей северной части Израиля, который заключался в следующем: встретили Рош а Шана (Новый 5776 год) в кругу его семьи. Посетили Галилейское море (жили в гостинице две ночи), даже сомика поймал на удочку, отпустили. Проехали Голанские высоты. "Покорили" гору Хермон 2190 м, за спиной Сирия. Заскочили в Метулу, посмотреть на Ливан...

Вернулись в Иерусалим (присутствовали на венчании знакомых). Побыли у Стены Плача, положил множество записочек. Походили по старому городу. Были у Гроба Господня. Посидели на главной улице Иерусалима. Съездили в сталактитовую пещеру горы Сорек. Было чудесно и интересно. Только расставаться пришлось. Всё так быстро пролетело... Снова аэропорт. Москва. Нелидово. А дома дача, лес, грибы... Замечательно!!!

Подробнее о своих странствиях расскажу «Светлячку», когда вернусь.

Владимир Сучков,
Нелидово

• Непридуманнные истории

«Не женись, Ильюша»

Считается, чтобы человеку было не страшно умирать, Бог делает ему счастливой или первую, или вторую половину жизни. Вся жизнь не может быть только счастливой.

У Александра Николаевича счастливой была первая половина жизни. У него были хорошие родители. В раннем детстве, что выпадало далеко не всем, он регулярно ездил в пионерский лагерь. Об этом периоде жизни у него остались только светлые воспоминания.

Отец Александра, Николай Никитович, был настоящим хозяином. Каждому из трех своих детей он купил дом, чтобы они не скитались по частным квартирам. Считал, что в первую очередь человеку необходима крыша над головой. Мать, Марианна Петровна, была домохозяйкой. У нее хватало времени содержать в порядке дом и заботиться о детях.

Понятно, что Александру пришлось жить не в лучшие для страны времена. Но тогда эти трудности переживали все его ровесники. Он родился в 1927 году, пережил ФЗО, долго служил в Армии. За безупречную службу в Вооруженных силах был неоднократно награжден. Об Александре, передовом комсомольце, писали в центральных газетах. Служил он в Одессе и очень любил песни, связанные с этим городом.

Когда возвратился домой, то работал электриком. И тоже был только на хорошем счету. Все трагедии в его жизни начались с женитьбы. Его избранница Александра, была красавицей, но до того, как в ее жизни появился Александр, она пережила очень большую любовь. С ранней юности девушка встречалась с соседским парнишкой Павлушей. Долго ждала его из Армии. Он обещал ей, что устроится в Ленинграде и позднее заберет Александру к себе.

Но неслучайно говорят, что человек предполагает, а Бог располагает. В расчете получить жилье, Павлуша пошел работать в милицию. А пока стал жить на частной квартире у хозяйки, женщины намного старше его. Шло время, квартиру Павел так и не получал. Позднее отношения хозяйки и квартиранта перешли рамки дозволенного. Они стали жить гражданским браком.

Об этом стало известно Александре, и она замкнулась в безутешном горе. Ведь она столько лет ждала своего избранника! У нее было обилие поклонников! Многие добивались ее руки и сердца. Но она только ждала своего единственного Павлушу. Даже не мыслила, что может встречаться с кем-то другим. Причисляла себя к однолюбам.

Говорят, что в девках год за пять идет. Желание все же иметь семью, детей взяло верх. Александре сделал предложение Александр, и она ответила ему согласием. Рассчитывала, что родятся дети, и она привыкнет

Однако, несмотря на рождение дочери, отношения не складывались. Возможно, еще и потому, что у жены была страшная неизлечимая болезнь, которая сопровождалась очень сильной болью. Женщина стала более раздраженной, что неизбежно отражалось на атмосфере в семье. Александр стал пить.

К врачам Александра обратилась только тогда, когда ничего уже нельзя было предпринять. Поняв, что ее дни сочтены, написала завещание, в котором убедительно просила отдать дочь на воспитание своей сестре, у которой не было детей. Заканчивалось ее письмо такими словами: «Я умираю, но спокойно чувствую, что моя дочь находится в надежных руках». Свое решение Александра обосновала тем, что Александр пьет.

Не каждый человек может вовремя и правильно сориентироваться, когда на него обрушилась такая беда. Александр тоже страдал, и как это было принято у многих на Руси, заливал горе водкой. Он, не задумываясь, отдал дочку в другую семью.

Природа берет свое. К тому же Александр был молодой, тридцать пять лет разве это возраст для мужчины. Александр женился второй раз. Он выбрал тоже красавицу. Красоту в женщине он ставил на первое место.

Но именно тогда, в своей новой семье, он и осознал свое горе. Приходя с работы, Александр садился на крыльцо и плакал. «Я потерял семью, я потерял дочку», – говорил он. Его спутница, Вера, посоветовала забрать дочь обратно. Но ничего не получилось. Его дочь была окружена лаской и любовью во второй семье, ее новые родители в ней души не чаяли.

Всю жизнь Александр жил с этим горем. Стать отцом во второй раз не было возможности. Вера не могла иметь детей. Отношения со второй женой тоже не были безоблачными. Она была злой, часто вспоминала своего первого мужа. А последние годы перед концом жизни для Александра стали совсем невыносимыми.

Дочь всегда поддерживала отношения с отцом. Она его очень любила, несмотря на то, что выросла в другой, очень хорошей семье. Перед смертью она часто приезжала к отцу со своими детьми.

«Не женись, Ильюша, не женись, – наказывал Александр своему старшему внуку. Вероятно, он, анализируя свой жизненный путь, пришел к выводу, что ни первая, ни вторая женитьба не сделала его счастливым. И потому он дал такой совет внуку.

Галина Ермолаева,
Андреаполь

(начало в №3 (24)-12(33); 1 (34)-12 (45); 1(46)-10(55).

Владимир Юринов**На картах не значит***Оглядываясь на эпоху: записки лейтенанта*

– Какими ресурсами я могу располагать? – под конец спросила Люба.

– Неограниченными, – веско сказал я и положил трубку.

Я был спокоен. Я знал – комсомол не подведёт.

И комсомол не подвёл!

Организаторам юбилейного банкета было предложено поделить зал пополам и в качестве моральной компенсации выставлено десять литров «чистяка». На что организаторы банкета ответили, что за двадцать литров они согласны зал освободить полностью. Тогда им было обещано ещё пять литров и разрешено оставаться в зале, но не мешать.

С дирекцией ресторана необходимый консенсус был также достигнут достаточно быстро. Им было сказано, что официально свадьба будет считаться «комсомольской», что алкогольными напитками лётчики обеспечат себя сами, а всё, что положено из спиртного по прейскуранту под свадьбу, ресторан может забрать себе. Дирекция ресторана, с трудом сдерживая радостное повизгивание, заверила, что свадьба будет обслужена по наивысшему разряду, а со своей стороны она, дирекция, как знак доброй воли, дарит молодым большой свадебный торт и четыре бутылки «Советского шампанского».

Все были рады, все были довольны. Мы засобирались в Серышево и принялись наутюживать костюмы. Роспись молодых была назначена на 15 часов. Наш замполит эскадрильи пошёл к командиру полка, дабы попросить транспорт под молодых и гостей – до Серышево и обратно.

«Как, в ресторане?!.. – возмутился Бабич. – Кто разрешил?!.. Ах, так!!..»

Короче, ни одной транспортной единицы командир под свадьбу не дал. Более того, он в приказном порядке запретил лично составу покидать пределы гарнизона, а воскресенье объявил рабочим днём...

До ЗАГСа молодых и родителей вёз на своих «Жигулях» подполковник Чеснов. Да-да, на тех самых – с тремя синими колясочками, намалёванными на водительской двери. А все гости – в праздничных костюмах и платьях – мчались по пыльно-ухабистой дороге до Серышево в кузове ГАЗ-66 «особиста» гарнизона капитана Пашина, по своему кагэбэшному статусу не подчинявшемуся командиру полка и имевшему с нашим полковником Бабичем свои, очень непростые, взаимоотношения...

После официальной церемонии в ЗАГСе все переместились в ресторан.

Дирекция ресторана своё слово сдержала. Стол ломился. Ресторанные повара превзошли сами себя. Фарфор сиял. Хрусталь звенел. Накрахмаленные официантки хрустели, как свежесыпавший снег.

В полном соответствии с антиалкогольной конспирацией, бутылок на столе (кроме тех самых четырёх бутылок «Советского шампанского») не было. Посреди разнообразных аппетитнейших закусок томились непрозрачные сосуды с прозрачным, запотевшие кувшины с красным и зелёным и разнокалиберные графины и лафитнички со всяким остальным.

Произнесли первый тост. Я набухал себе из большого фарфорового чайника полную рюмку «белой», а на записку – стакан клюквенного морса из стоявшего рядом хрустального кувшина. Чокнулись. Выпили. Пятидесятиградусный «чистяк» приятно обжёг аорту. Я, томимый жаждой, сделал из стакана несколько крупных глотков ледяного морса и только на третьем или четвёртом глотке понял, что это вовсе не морс – это был тот же пятидесятиградусный «чистяк», только обильно закрасшенный клюквой. Глаза мои полезли из орбит. Чтобы хоть как-то потушить бушевавший в глотке пожар, я выхватил у своей соседки по столу, комсомолки Любы, фужер с лимонадом (о, спасительные пузырьки!) и одним махом осушил его. Но это тоже оказался не лимонад! Это оказался всё тот же «чистяк», в который затейница Люба добавила приличную порцию шампанского. Глаза мои продолжили ускоренное путешествие на лоб. Я, как выброшенная на берег рыба, хватал ртом воздух и слепо шарил по столу в поисках спасения. Наконец чья-то гуманная рука засунула мне в рот солёный огурец. Я судорожно зачавкал, проглотил, выдохнул, вытер проступившие на глазах слёзы и с полным на то основанием заорал: «Горько!!!»...

Очнулся я на полу, на расстеленном одеяле. Хотелось пить. Раскальвалась голова. В висках и затылке резиновые молоточки выстукивали вопрос: «Кто я?!..».

После недолгой самоидентификации первый вопрос сменился другим, не менее актуальным: «Где я?!..».

С трудом приподнявшись на локте, я огляделся. Комната поначалу показалась мне незнакомой. Шторы были плотно задёрнуты, отчего в помещении царил густой полумрак. Рядом с собой, на полу, я обнаружил не

(продолжение на стр. 14).

(начало на стр. 13).

менее пяти неподвижных тел, в которых не без труда признал своих боевых товарищей, застигнутых сном в разнообразных трудных позах. При взгляде на их суровые непроницаемые лица в мозгу сама собой всплыла бессмертная строка поэта: «...но спят друзья, и морды – на засов!». «М-да, – подумалось мне, – точнее не скажешь...». Я с трудом поднялся на ноги и, придерживаясь за всё подряд, продолжил обследование помещения. Возле дальней стены я обнаружил узкую железную кровать, а на ней – двух, спящих в обнимку, одетых в простенькие ночнушки, молодых женщин. Женщины негромко и мелодично – на два голоса – похрапывали. Приглядевшись, я узнал в нимфах комсомолку Любу и второго секретаря райкома комсомола – правую Любину руку – Зою, также присутствовавшую на вчерашней «комсомольской» свадьбе. «Свадьба! – осенило меня – Точно! Мы ж вчера на свадьбе гуляли!..» Тут же я опознал и местность – это была Любина однокомнатная квартира, в которой я в своё время неоднократно и с пользой бывал (разумеется, по сугубо комсомольским делам!). Всё становилось на свои места. Я понял, что это всё – Люба и Зоя! Это именно они, показав себя настоящими боевыми подругами, спасли накануне своих друзей-лётчиков, павших в неравной схватке с коварной вездесущей «массандрой». Это именно они, подняв пилотов с холодного кафельного ресторанного пола, вынесли их на своих крепких комсомольских плечах, как выносят сёстры-санитарки раненых бойцов с поля боя, и определили на ночь в Любину «хату». Благо, «хата» эта была от ресторана совсем неподалёку. Ай да Люба! Ай да Зоя! Ай да молодцы!..

Определившись таким образом в пространстве, я приступил к ориентации во времени. Любины ходики с кукушкой показывали без десяти семь. «Господи! – подумалось мне – Хоть бы – утра!..» Спohватившись, я нащупал свою «Электронику». Да, 06:50. Я выдохнул.

Осторожно переступая через недвижные тела, я пробрался на кухню и наконец-таки напился. Горечь во рту уменьшилась. Молоточки в затылке и висках изменили свой ритм и стали стучать мягче и тише. Жизнь начинала налаживаться. В голове калейдоскопом замелькали яркие картинки вчерашнего вечера. «А свадьба-то удалась!.. – с удовлетворением заключил я, вспоминая колоритные подробности разгульного матримониального действия. – Ох, как удалась!.. Блин, сколько ж мы выпили?!..»

Я еще немного посидел на кухне под раскрытой форточкой, с удовольствием глотая свежий, пахнущий росой, утренний воздух. Затем я поднялся, умылся бодрящей холодной водой над гремящей жестяной раковиной и, вернувшись в комнату, занялся непростым и неблагодарным делом побудки своих товарищей. Сон, он, конечно, лечит, но надо было срочно подниматься и бежать на станцию, на автобус, – впереди нас ждал тяжёлый рабочий день и непростой, ох, непростой разговор с командиром...

Описанная свадьба была в нашем гарнизоне первым, но далеко не последним крупным мероприятием с массированным применением «массандры» в мирных целях.

Таким образом, как видите, жители гарнизона, невзирая ни на какие антиалкогольные кампании, были всегда обеспечены дармовым и относительно качественным спиртным, причём обеспечены им с лихвой. В этой же связи можно также сказать, что у всякого уважающего себя орловского офицера дома всегда стояла дежурная пятилитровая канистра «чистяка». А у некоторых, особо себя уважающих, – и десятилитровая.

Совсем по-другому обстояли дела у местных «аборигенов». Горбачёвская кампания ударила по ним самым болезненным образом. Гнать самогон, как на благословенной Украине, где я провёл четыре училищных года, в здешних краях не умели или же не любили, и поэтому местный «абориген» предстал перед суровыми реалиями антиалкогольной кампании голым и беззащитным.

Не удивительно, что в скором времени наш гарнизон стал самой настоящей Меккой для страждущих из окружающих деревень, а наш не особо котирующийся на внутригарнизонном рынке «шмурдяк» приобрёл статус твёрдой валюты. Местные пили «шмурдяк» без всякой очистки и даже особо не морщились – им было не привыкать.

Пол-литра «шмурдяка» совершенно спокойно обменивались в близлежащих деревнях на ведро картошки или на три литра молока, или на два десятка яиц. За «шмурдяк» можно было купить всё, начиная с необрезной доски на ближайшей пилораме и заканчивая ночью любви с какой-нибудь местной «красавицей». Варьировался только литраж. За «шмурдяк» можно было купить даже то, чего нельзя было купить за деньги. Так, например, молоко в деревне «аборигены» всегда продавали с большой неохотой – чаще всего они сами, спустив всю наличность, вынужденно сидели на картофельно-молочной диете и на предлагаемые деньги смотрели кривясь: «Что деньги? Что на них можно купить? И, главное, где?..» – полки местного сельпо были практически пусты, а возделенную «горючую воду» вообще завозили в деревню один раз в месяц. Но за «шмурдяк» «аборигены» были готовы отдать всё, включая саму корову.

В общем, всегда приятно жить, имея на руках «твёрдую валюту» и чувствуя себя, в некотором роде, местным «рокфеллером».

(продолжение на стр. 15).

(начало на стр. 13-14).

Впрочем, была у этой медали и обратная сторона.

В любое время дня и ночи, невзирая на праздники или будни, в вашей квартире мог раздаваться звонок и на пороге возникало нетвёрдое стоящее «тело», протягивающее вам в не шибко чистой дрожащей руке... да всё что угодно! Это могла быть и авоська с морковкой, и банка молока, и сушёные грибы на верёвочке, и ношенные сапоги, и штыковая лопата, и остро пахнущая бензином запчасть от мотоцикла. «Тело» обычно молчало, смотрело с надеждой, обильно потело и тяжело дышало перегаром. Вне зависимости от того, кто открыл дверь – будь то brutальный мужчина, легко одетая женщина или же малый ребёнок – «тело» всегда вело себя предельно скромно, и если дверь перед его носом закрывалась, больше уже не звонило. О цене принесённого никто никогда не спрашивал. Всё, что приносили подобные «тела», всегда стоило одинаково: 0,5 л. «шмурдяка».

Была в нашем гарнизоне ещё одна категория граждан, сильно пострадавшая от антиалкогольных реформ. Я имею в виду наших славных советских «зольдатенов».

Предвижу, что мне сразу возразят: «Так ведь солдатам пить не положено!...»

Не положено. Кто ж спорит? У нас много чего кому не положено. Гражданам не положено воровать, чиновникам не положено брать взятки, водителям не положено нетрезвыми садиться за руль. Но ведь воруют, берут, садятся...

Так и солдат. Испокоин веков, с тех самых пор, когда появилось понятие «рекрутина», забритые в армию солдаты не упускали даже самой малейшей возможности «принять на грудь». Пили они и в наше время. Пьют и сейчас. И будут пить в дальнейшем.

Дело в том, что сама атмосфера – атмосфера принудительной службы (ведь как бы там ни надрылась госпропаганда, крича о престижности и почётности, о чести и долге, – срочная служба всегда была и есть службой принудительной), так вот, атмосфера принудительной службы вызывает у всякого человека непроизвольный внутренний протест и, как следствие, потребность заглушить неизбежно возникающие отрицательные эмоции: тоску по дому, чувство оторванности от привычного жизненного уклада, состояние перманентного бесприяния и униженности.

С другой стороны, на срочную службу попадают, как правило, люди молодые, склонные к юношескому хвастовству, браваде, потребности выделиться. Или же, наоборот, – не выделяться. Это тоже немало способствует знакомству с зелёным змием. Пьют ведь порой – просто так, за компанию,

Таким образом, причина пьянства находится, если можно так выразиться, у солдата не снаружи, а внутри. То есть она всегда с ним и практически не зависит ни от календаря, ни от времени суток, ни от каких других привходящих факторов. Поэтому и логическая связка, имеющая у нормального человека привычный вид: «праздник – бутылка», у солдата перевернута на сто восемьдесят и выглядит как: «бутылка – праздник». Поэтому солдату никогда не надо искать причину для того, чтобы выпить – эта причина есть у него всегда. Ну а уж повод при наличии причины, согласитесь, всегда найдётся.

Короче, перефразируя известную русскую поговорку, можно смело сказать: сколько солдата ни корми, как ты его в попу ни целуй, а он всё равно смотрит в лес. В лес, в смысле – через забор, туда, где проходит никогда не зарастающая, натопанная тропа к ближайшему винному магазину.

Именно об этом с первых же минут нашей офицерской службы предупреждал нас на своих знаменитых инструктажах легендарный начальник штаба орловского полка подполковник Мищенко.

«Товарищи офицеры! – говорил, бывало, Мищенко, собрав в классе состав заступающего суточного наряда. – В течение ближайших двадцати четырёх часов вы будете максимально плотно контактировать со срочной службой. В этой связи хочу вас очень серьёзно предостеречь... Если кто-нибудь из вас думает, что солдат имеет хоть какое-то отношение к виду хомо сапиенс, тому лучше сейчас же достать из кобуры своё табельное оружие и благополучно застрелиться... Здесь, у меня на глазах. Во избежание более серьёзных неприятностей, и чтобы я уже больше за него не волновался... Мы скинемся по червонцу, похороним заблудшего с соответствующими ему почестями и дальше уже спокойно продолжим нести службу... Есть такие?!.. Вижу, что нет...

Запомните, товарищи офицеры! Этого вам не говорили в школе на уроках биологии, поэтому слушайте сюда! Ближе всего к солдату срочной службы на древе эволюции располагаются головоногие моллюски. У всякого солдата, как и у них, тоже имеется не менее восьми шаловливых конечностей, которые он, паразит, норовит засунуть во все мыслимые и немыслимые места... Причём, в отличие от благородных морских головоногих, у солдата конечности эти растут не из головы, а из задницы... Кроме того, товарищи офицеры, солдат – это единственный представитель фауны, который в любое время года и суток склонен к вдохновенному членовредительству. Поэтому!.. Если уж вы поручили солдату какую-либо работу, то вы не должны после этого спокойно валяться в дежурке, сладострастно листая эротический журнал «Крестьянка». Вы должны стоять у солдата за спиной, тяжело дышать ему в затылок и держать занесённым над его головой увесистый том «Общевоинских уставов»... Очень полезно также время от времени этим томом солдата по голове бить. Так сказать, в профилактических целях. Бейте сильно, не бойтесь – мозгов там нет...

(продолжение следует).

• Весёлый конкурс:

«Отыщи свою траву»

Поэты – большие пересмешники, им палец в рот не клади: не успел один пошутить, другой тут же шутку подхватил и использовал, переиначив историю на свой манер. Вот вам пример: стихотворение М. Петровой из Андреаполя о траве сныть, которая, якобы, помогает выглядеть эстетично и сражать наповал объекты противоположного пола, у нелидовца П. Бобунова вызвало ответную реакцию. Он написал стихотворение о приворотном цветке цикория. И конкурс пошел! На самом деле, сколько ситуаций можно себе вообразить по этому поводу!

Так что дерзайте, стихотворцы. Ждём ваших писем и интернетсообщений.

*Та трава при наговоре
провоцирует любовь,
даром, что зовут цикорий,
что цветочек – голубой.*

Петр Бобунов

ВМЕСТО ЦИКОРИЯ

Жаль, что Пете не помог
Чудодейственный цветок...
Так и быть, скажу поэту,
Как напасть исправить эту.
Средь полей растёт трава–
Незаметна и скромна,
Кличут попросту – варваркой,
расцветает летом жарким.
По-научному – сурепка,
Говорят, что «вяжет» крепко.
Гликозид в ней есть такой –
Чуть лизнёшь – и сам не свой.
Дамы ломятся гурьбой!
(Лепесток – НЕ голубой...)
Так что, Петр, твори заварки
Из оранжевой варварки.

**Светлана Виноградова,
Нелидово**

* * *

Я цикорий искать не пойду,
Иван-чая нарву у дороги,
В нём целебную силу найду,
Если надо наставить рОги.

Не поможет в любви сныть-трава,
Маргарита её искала,
«Зажигает», она права,
Но запала в ней, в общем, мало.

Что бродить? Что искать? Пойми:
Иван-чая ну просто туча.
Заболит голова – прими,
И с любовью всё станет круче.

**Наталья Шабанова,
Андреаполь**

• Улыбнись

Сергей Венков,

Андреаполь – Тверь

ХА-ХА-ХА

Встретились Ха-Ха с Хи-Хи,
Начали писать стихи:
Рифму быстро подобрали
И чуть-чуть похотали.
Говорит Хи-Хи Ха-Ха:
– Слушай, что за чепуха,
Появилась проблема:
Рифма есть, но нету темы.
Перестали хохотать,
Тему начали искать.
Попытались о погоде,
Получилось складно, вроде:
Где-то нет дождя давно,
Всё засохло – не смешно!
Где-то всё наоборот:
Водопад! Водоворот!
Всё плывёт, плывёт куда-то,
Не до смеху тут, ребята.
Нужно тему поменять –
Чтобы снова хохотать...
– На политику нажмём? –
Там конкретно хохотнём!
– Нет, давай о ней не будем,
Смех сквозь слёзы вреден людям,
Если только пару строк,
Чтоб продолжить наш стишок...
Дума, фракции, законы,
Министерство обороны,
Социальное жильё.....
– Захохочешь, ё-моё!
Демократы, либералы –
Клоунов у нас не мало,
Всё чего-то мутят, чудят,
А потом страдают ЛЮДИ.
Но слезой рукав не мочат,
А над этим всем хохочут.
А ещё все хохотали
Когда "ВЕСТИ" показали,
Как Обама танцевал –
И слепой захохотал!
Захахакала Хи-Хи:
– Чё, реальные стихи,
Кто захочет – пусть читает,
Может быть похотает...
Подхихикнула Ха-Ха:
– Да, поэмка неплоха,
Прочитает, кто захочет,
Может, малость... ПОХОХОЧЕТ?!